

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930 (470.4)

Дата поступления: 01.04.2022
рецензирования: 05.05.2022
принятия: 28.05.2022

Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века

П.К. Соловьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Аннотация: В статье представлен исторический обзор возникновения и становления учебных заведений единоверцев Самарской губернии в дореволюционный период. История единоверческих церковно-приходских школ рассматривается в двух основных аспектах. С одной стороны, они являлись неотъемлемой частью системы народного просвещения в Самарской губернии и находились в общем контексте развития «школьного дела» в данном регионе. С другой стороны, «православно-старообрядческие» школы часто возникали по инициативе самих единоверцев не только с целью распространения грамотности, но и в качестве одного из необходимых инструментов сохранения и передачи конфессиональной традиции. В связи с этим обстоятельством единоверческие учебные заведения имели характерные особенности, которые отличали их от остальных церковно-приходских школ губернии. В числе своеобразных признаков образовательных учреждений единоверцев указаны следующие черты: акцент учебной программы на преподавание по «старопечатным» книгам, тесная связь обучения с участием в церковном богослужении и ярко выраженный миссионерский характер деятельности единоверческих церковно-приходских школ. В начале XX в. единоверческие школы сформировались как часть системы народного просвещения Самарской губернии, имея конфессиональную специфику в организации образовательного процесса. В статье приведены статистические данные о количестве единоверческих школ, численности учеников, педагогическом составе и материальном обеспечении учебных заведений. При подготовке статьи использованы метод анализа исторических документов, историко-системный, историко-сравнительный методы. В основу источниковой базы исследования легли архивные документы, а также материалы официальных отчетов школьных наблюдателей и миссионеров, опубликованных как отдельными изданиями, так и на страницах «Самарских епархиальных ведомостей».

Ключевые слова: единоверие; старообрядцы; церковно-приходская школа; Самарская губерния; история Русской православной церкви.

Цитирование. Соловьев П.К. Единоверческие церковно-приходские школы Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 2. С. 34–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-34-43>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловьев П.К., 2022

Павел Константинович Соловьев – соискатель кафедры истории России и археологии, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11, ком. 420.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.04.2022
Revised: 05.05.2022
Accepted: 28.05.2022

Coreligionist parochial schools of the Samara province in the second half of the XIX – early XX century

P.K. Soloviev

Saratov State University, Saratov, Russian Federation
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Annotation: The article presents a historical overview of the emergence and formation of educational institutions of the coreligionists of the Samara province in the pre-revolutionary period. The history of coreligionist parochial schools is considered in two main aspects. On the one hand, they were an integral part of the public education system in the Samara province and were in the general context of the development of «school business» in this region. On the other hand, «Orthodox-Old Believers» schools often arose on the initiative of the coreligionists themselves, not only with the aim of spreading literacy, but also as one of the necessary tools for preserving and transmitting confessional traditions. In connection with this circumstance, the coreligionist educational institutions had characteristic features that distinguished them from the rest of the parochial schools of the province. Among the peculiar features of the «school business» of coreligionists, the following features are indicated: the emphasis of the curriculum on teaching according to «old-printed»

books, the close connection of the educational process with church worship, the pronounced missionary nature of the activities of coreligionist parochial schools. At the beginning of the XX century, coreligionist schools were formed as part of the public education system of the Samara province, having confessional specifics in the organization of the educational process. The article presents statistical data on the number of coreligionist schools, the number of students, the teaching staff and the material support of educational institutions. In the preparation of the article, the method of analysis of historical documents, historical-system, historical-comparative methods were used. The source base of the research is based on archival documents of the Central State Archive of the Samara region, as well as materials of official reports of school observers and missionaries published both in separate publications and on the pages of the «Samara Diocesan Gazette» («Samarskiye eparkhialnye vedomosti»).

Key words: coreligionists; Old Believers; parish school; Samara province; history of the Russian Orthodox Church.

Citation. Soloviev P.K. Coreligionist parochial schools of the Samara province in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 34–43. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-2-34-43>. (In Russ.)

© Soloviev P.K., 2022

Pavel K. Soloviev – external doctorate student of the Department of Russian History and Archaeology, Institute of History and International Relations, Saratov State University, room 420, bldg. 11, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

История церковно-приходских школ (далее – ЦПШ) достаточно подробно освещена в ряде работ по истории Церкви и народного просвещения в Самарской губернии второй половины XIX – начала XX века [Ваганова 1999; Кокарев 2016; Мендюков 2016; Самбурова 2002; Якунин 2018; Якунин 2011] (Филиппов 2002). Между тем в историографии по данной теме существуют лакуны, которые необходимо заполнить. В частности, одним из таких пробелов является история единоверческих ЦПШ. Так, в монографии В.Н. Якунина они упоминаются лишь в связи с описанием иргизских единоверческих монастырей, а в другой краеведческой работе рассказывается о деятельности только одной школы в селе Балакове [Якунин 2011, с. 65–66; Соловьев 2018, с. 35–40]. Другими словами, в настоящий момент в научном обороте отсутствуют работы, посвященные истории единоверческих школ в Самарской губернии. В то же время имеющиеся в распоряжении исследователей опубликованные источники (Никольский 1912; Никольский 1914; Никольский 1916) и архивные материалы, основной массив которых находится в фондах Центрального государственного архива Самарской области, дают возможность воссоздать более или менее целостную картину развития «православно-старобрядческих» учебных заведений в регионе. Клировые ведомости, отчеты единоверческих благочинных, административно-хозяйственная переписка позволяют проследить процесс организации единоверческих ЦПШ в Самарской губернии, установить статистические характеристики ученического и педагогического составов, определить материальную базу школ, источники финансирования и многое другое (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4202, 4389, 5582, Оп. 11. Д. 134, 441, 443, Оп. 13. Д. 12, Оп. 15. Д. 91, Оп. 17. Д. 274, 342, 354, Оп. 18. Д. 253, Оп. 19. Д. 41, Оп. 23. Д. 402, Оп. 29. Д. 484; Ф. 356. Оп. 1. Д. 39, 90, 151, 167, 531).

Несмотря на свое скромное место в системе народного образования Самарской губернии, единоверческие ЦПШ все же сыграли немаловажную

роль в становлении местного единоверия как профессионального феномена, а также в миссионерской деятельности РПЦ. Данное исследование является попыткой дать обзор возникновения и развития единоверческих учебных заведений в контексте формирования системы ЦПШ в дореволюционный период, а также проанализировать особенности образовательного процесса единоверцев Самарской губернии.

Первые учебные заведения единоверцев в Самарской губернии

Единоверцы представляли собой группу старообрядцев, которые присоединились к РПЦ на условиях сохранения дониконовского богослужебного уклада, и в момент образования Самарской губернии приходская жизнь «православных старообрядцев» проходила сложный этап становления. Наличие «собственного» школьного образования в этом смысле являлось для единоверцев одним из способов сохранения себя в качестве самобытной конфессиональной группы РПЦ и давало возможность трансляции традиционного религиозного уклада следующим поколениям.

К началу 1860-х гг. на территории Самарской епархии действовало всего пять единоверческих приходов (не считая монастырских). Согласно имеющимся данным, в трех из них в этот период возникли церковные «училища для обучения единоверческих детей». Первая школа в Самарской губернии для детей единоверцев была открыта в августе 1859 г. в Самаре – согласно прошению настоятеля Казанской единоверческой церкви Павла Кустова. В учебную программу входили следующие предметы: Закон Божий, краткий катехизис (основы вероучения), краткая Священная история, чтение, «славянское письмо», арифметика и церковное «гласовое» пение. Закон Божий вел священник, другие предметы – приходские уставщики. Обучение было формализовано: «велся список» учеников, по окончании курса выпускникам выдавалось свидетельство с подписью учителя и надзирателя школы, каковым являлся Павел Кустов. В школе обучались 17 мальчиков и 6 девочек

в возрасте от 8 до 12 лет. В дальнейшем количество учеников предполагалось увеличить до 50 человек. Курс обучения в «училище» был рассчитан на два года (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–3 об., 5).

В 1865 г. в Самарской губернии открылись еще две единоверческие школы: мужская и смешанная. В селе Красный Яр Новоузенского уезда священник Роман Старцев по собственной инициативе стал обучать мальчиков частным образом в здании церковной сторожки (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 8). В селе Балакове Николаевского уезда по предложению прихожан причетник местной единоверческой церкви Ф.Л. Волгин организовал «училище», в котором детей обоего пола обучали грамоте по старопечатным книгам и книгам, изданным в единоверческой типографии, «равно как и по гражданским – Священной истории, катехизису, <...> церковному пению и чистописанию». В 1865 г. в школе числился 31 ученик [Соловьев 2018, с. 35]. Есть указания на то, что в 1860-х – начале 1870-х гг. грамоте по старопечатным книгам обучали детей и в единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 4 об.; Оп. 11. Д. 134. Л. 6 об.), но, по всей видимости, эта деятельность была неофициальной.

Первые успехи единоверия в области народного просвещения в это время могут показаться весьма скромными, но следует учитывать, что сама система образования в Самарской губернии находилась в стадии формирования. По некоторым данным, к концу 1850-х гг. в епархии действовало не более десяти церковных начальных школ. По большому счету история церковно-приходской школы в Самарской епархии начинается с 1860-х гг.: в 1861 г. «в духовном ведомстве» насчитывалось уже до 100 «училищ», а в 1866 г. – 243 ЦПШ с 5933 учащимися (Церковно-приходские школы 1901, с. 561–562).

Появление единоверческих ЦПШ, таким образом, вписывается в общий контекст бурного развития системы народного просвещения в Самарской губернии, как, впрочем, и в последовавшую затем тенденцию к упадку. После введения в действие «Положения о начальных народных училищах», утвержденного 25 мая 1874 г., в Самарской губернии происходит резкое сокращение количества ЦПШ: часть из них закрылась по недостатку средств и помещений, другая перешла в ведение земств. Эта неблагоприятная тенденция затронула всю систему «школьного дела» в Самарской губернии. К середине 1880-х гг. в Самарской епархии осталась всего 101 ЦПШ, из которых только 35 соответствовали правилам, позволявшим их отнести к разряду одноклассных школ; остальные учебные заведения были отнесены к разряду школ грамоты. Уездные земства выделяли на содержание ЦПШ ограниченные средства, передавая их в ведение училищных советов; священников отстраняли от преподавания, оставляя им лишь «законоучительство» за незначительную плату. Новоузенское земство осенью 1868 г. пошло еще дальше: оно сочло

необходимым отстранить духовенство от занятий почти во всех школах уезда, оставив священников только на должности учителей Закона Божьего с двумя уроками в неделю (Церковно-приходские школы Самарской епархии... 1901, с. 566–567, 570–571). Деятельность единоверческой школы в с. Красный Яр «гражданское начальство» Новоузенского уезда посчитало излишней, поскольку в селе была открыта земская народная школа. В конце 1869 г. новоузенский мировой посредник Шафрат лично явился в единоверческую школу Красного Яра и запретил священнику Роману Старцеву «частное» обучение детей по старопечатным книгам (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 3 об.).

Однако земские школы не могли стать полноценной заменой образовательных учреждений для единоверцев, учитывая, с каким недоверием старообрядцы относились к «гражданским» учебным заведениям (Ушмарский 1889, с. 138). При этом, имея в виду специфический статус единоверцев внутри РПЦ и их особый религиозный уклад, необходимость в деятельности «собственных» приходских школ оставалась для них актуальной. К тому же действовавшие в этот период единоверческие школы не нуждались в финансировании со стороны земств, поскольку содержались за счет прихожан. В марте 1880 г. самарскому епископу Серафиму (Протопопову) красноярский священник Роман Старцев подал прошение с «приговором» от прихожан вновь открыть единоверческую школу в Красном Яре: «Со времени закрытия в нашем селе частного единоверческого обучения детей ни одного нет мальчика, который бы маломальски мог участвовать в богослужении, читать и петь на единоверческом напеве, без чего хор пения в настоящее время пришел в упадок, и даже некому, кроме причта, читать и петь; а прихожане положительно на все это обижаются» (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–2 об., 8). Самарский архиерей оказал содействие красноярским единоверцам, и с 1882 г. школа стала вновь действовать (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 274. Л. 63 об.).

Сведений о деятельности в 1870–1880-е гг. других единоверческих училищ Самарской губернии сохранилось крайне мало, что объясняется недостаточной осведомленностью о них местных властей. Например, о существовании балаковской единоверческой школы самарский губернатор Ф.Д. Климов узнал случайно, во время рабочего визита в с. Балаково в 1873 г., когда на одном из зданий увидел вывеску «Училище по старопечатным книгам». Выяснилось, что в архивах Самарской духовной консистории и среди документов губернских учреждений народного просвещения не оказалось никаких бумаг, подтверждавших официальное существование единоверческой школы. Подлинник предписания покойного архиерея Феофила (Надеждина) от 19 сентября 1864 г. о разрешении открыть в Балакове единоверческое училище был обнаружен спустя некоторое время у местного единоверческого благочинного, и только

после этого инспектор народных училищ включил школу в список учебных заведений губернии. Эта история весьма показательна: в с. Балакове единоверческая школа почти десять лет действовала автономно от системы церковного и народного образования Самарской губернии. Впрочем, в клировой ведомости единоверческой Никольской церкви с. Балакова за 1882 г. было отмечено, что училища при храме не имеется [Соловьев 2020, с. 193]. Во всяком случае, можно констатировать, что к середине 1880-х гг. процесс становления школьного образования единоверцев был приостановлен. В это время во всей епархии действовало лишь два единоверческих училища: в Самаре и Красном Яре. Эти школы содержались на частные средства, а обучение детей в них было бесплатным (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 151. Л. 8 об.). Учителя за свой труд не получали никаких пособий, занятия проводились в непригодных помещениях: в Самаре – на квартире псаломщика, в Красном Яре – в церковной сторожке (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 167. Л. 7 об.–8).

Развитие единоверческих ЦПШ Самарской губернии в рамках системы народного просвещения в дореволюционный период

Возрождению системы церковно-приходских школ в стране способствовало издание «Правил о церковно-приходских школах», утвержденных Александром III 13 июня 1884 года. РПЦ получала на развитие школьного дела государственные средства, которые могла расходовать самостоятельно. Она же самостоятельно определяла программы и содержание образовательного процесса. В административном плане церковный характер школы был обеспечен путем включения учебных заведений в общую систему епархиального управления [Рожков 2004, с. 115–125]. Результаты изменения государственной политики не заставили себя долго ждать. В Самарской губернии с 1884 по 1900 г. число школ церковного ведомства увеличилось более чем в 9 раз (со 101 до 997), а численность учащихся – в 24 раза (с 2144 до 51701 учащегося) [Якунин 2018, с. 281]. На 1890-е годы приходится особенно быстрый рост числа церковно-приходских школ в Самарской епархии, дополнительный импульс которому придало определение Самарской духовной консистории 1892 г.: «...В приходах, где нет никакой школы, обязательно открыть, если не церковно-приходскую школу, то хотя школу грамоты» [Жокарев 2016, с. 227–228].

Резкое увеличение количества единоверческих ЦПШ в Самарской губернии также пришлось на 1890-е – начало 1900-х гг. – время архиерейского служения епископа Гурия (Буртасовского), который поднял миссионерскую деятельность РПЦ в своей епархии на новый уровень. Единоверие он рассматривал как один из главных инструментов в борьбе со старообрядческим расколом. Благодаря энергичной деятельности епископа в конце XIX – начале XX в. появилось 15 новых единоверческих

приходов [Якунин 2011, с. 74]. В тех населенных пунктах епархии, где у новоиспеченных единоверцев не было церковного здания, в конце 1901 г. архиерей предложил организовать деятельность единоверческого походного храма. Святейший Синод отклонил это ходатайство, сопроводив отказ рекомендацией: «...Лучшим и наиболее верным средством для обратившихся из раскола в лоно Православной Церкви является, как показывает опыт, устройство среди них постоянных единоверческих приходов и церковных школ» (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. 4389. Л. 17 об.). Однако синодальная рекомендация явно запоздала. Епископ Гурий с самого начала своей деятельности в епархии предпринимал все необходимые меры для создания во вновь открытых единоверческих приходах ЦПШ, в которых он видел важное средство организации приходской жизни. Так, для нового прихода д. Озерки Николаевского уезда, который не имел возможности содержать церковный причт, архиерей добился выплаты «казенного» жалования священнику как миссионеру, а псаломщику – в качестве учителя церковной школы. Школу епископ лично обревизовал в 1896 г. во время архиерейского визита в Озерки (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. 5582. Л. 3, 14).

Кстати, в начале XX в. самарские архиереи и епархиальные школьные наблюдатели (инспекторы) «обозревали» единоверческие школы так же, как и обычные ЦПШ Самарской губернии. Например, в ноябре 1904 г. епископ Константин (Бульчев) в числе других ЦПШ г. Самары посетил единоверческую школу, где испытывал учащихся в знании Закона Божия (молитв, Священной истории ветхозаветной и новозаветной, катехизиса и православного богослужения), в чтении Евангелия по-славянски и по-русски, затем просматривал тетради учеников (Епархиальная жизнь 1904, с. 1081).

В отчетах по Самарской губернии конца 1900-х гг. наблюдается некоторое снижение общего числа ЦПШ и количества учащихся. В 1906 г. в губернии было зафиксировано 1154 школы с 22 391 учащимся, а в 1909 г. ЦПШ уже только 1100 с 20 757 учениками [Мендюков 2016, с. 126]. После учреждения в 1908 г. в составе Самарской епархии Уральского викариатства единоверческие ЦПШ Самарской губернии оказались в непосредственном ведении викарного епископа Уральского Тихона (Оболенского), равно как и школы Уральской области. Двойная церковная юрисдикция, когда единоверческие школы входили в статистику по Самарской губернии и одновременно включались в число учебных заведений Уральского викариатства (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29. Д. 484. л. 4 об.–5), может в числе других причин [Жокарев 2016, с. 237–238] объяснить довольно заметное статистическое «уменьшение» количества губернских ЦПШ конца 1900-х гг.

К началу Первой мировой войны единоверческие ЦПШ Самарской губернии располагались в тех местностях, где проживало население с наибольшей долей старообрядчества. Это были четыре уезда – Бугурусланский, Николаевский,

Новоузенский и Самарский. Количество школ по уездам сильно разнилось. Наибольшее число ЦПШ действовало в Николаевском уезде – 18 с общим количеством 1157 учеников. В Бугурусланском и Самарском уездах находилось по три школы (126 и 116 учеников соответственно) и в Новоузенском – две (135 учащихся). По «разряду» школы делились на двухклассные (одна мужская при единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре с учительским и миссионерским курсами) и одноклассные с четырехгодичным курсом обучения. По составу учащихся подавляющее количество единоверческих ЦПШ относилось к смешанным (количество мальчиков превышало две трети учащихся). В 1912 г. всего в распоряжении епископа Уральского было 26 единоверческих школ Самарской губернии, в которых обучалось 1534 ученика (Никольский 1914, с. 95). Правда, есть и другие данные за тот же год: епархиальный миссионер протоиерей Дмитрий Александров указывал, что в Самарской губернии действовало более 30 единоверческих ЦПШ (Труды 2012, с. 251–252). По всей видимости, такое расхождение вызвано различными методами классификации ЦПШ. Так, по официальным документам, в с. Малый Кушум действовали две единоверческие школы – мужская и женская, несмотря на то что у них был один заведующий и занятия проходили в одном здании. Таким же образом классифицировалась школа в Криволучье (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 22, 23 об.).

Количество учеников по школам сильно разнилось. Так, в 1915 г. Спасо-Преображенская мужская школа насчитывала 91 ученика [Якунин 2011, с. 64], школа Большого Красного Яра – 86 (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 354. Л. 37 об.), а в школе при единоверческом Средне-Никольском женском монастыре на рубеже XIX–XX вв. обучалось всего 13 девочек (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 443. Л. 28). Кстати, до конца XIX столетия ЦПШ имелись во всех трех единоверческих монастырях губернии. Однако к 1903 г. школа при Нижне-Воскресенском монастыре перестала действовать, поскольку в близлежащем селе Криволучье была открыта своя (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 22), которая находилась на полном обеспечении за счет средств обители [Якунин 2011, с. 64–66]. В Средне-Никольском женском монастыре к этому времени, как отмечалось в благочинническом отчете, «особой» школы не было, но «поступающие в монастырь девушки обучаются в кельях правоспособными сестрами» (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 13).

В 1913 г. основной педагогический состав в единоверческих ЦПШ губернии насчитывал 42 чел., среди которых было 3 священника, 4 диакона, 5 псаломщиков, 25 светских учителей и 5 учительниц. Приходские священники в количестве 27 чел. находились на должности заведующих и учителей Закона Божия. Из них 17 чел. имели домашнее образование, двое закончили курс Саратовской миссионерской школы, 6 – получили образование

в Спасо-Преображенской монастырской школе, один окончил уездное училище и только один – духовную семинарию. Для сравнения: всего «учащих» в церковных школах Самарской епархии в 1910/1911 учебном году было 2124 чел.; из них законоучителей – 861, учителей и учительниц – 1263 (Никольский 1912, с. 408).

Необходимо отметить, что образовательный ценз единоверческого духовенства менялся достаточно медленно. По данным за вторую половину 1860-х – начало 1870-х гг., в единоверческих приходах всей епархии служило 9 чел., из них только один обучался в духовной семинарии (причем это был священник из «новообрядных»), двое получили начальное образование при Спасо-Преображенском монастыре, остальные имели домашнее образование (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 41. Л. 1; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 3 об., 4 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 23. Д. 402. Л. 2 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 12. Л. 1, 3 об.; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 134. Л. 4 об., 6 об.). К 1913 г. в одном только Самарском единоверческом благочинии служили уже 14 священников и церковнослужителей. Среди них 9 чел. имели домашнее образование (в том числе 6 священнослужителей), один окончил земское училище, остальные – ЦПШ при Спасо-Преображенском монастыре и Саратовском миссионерском училище (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 253. Л. 4 об.–59 об.).

Особенности «школьного дела» в единоверческих ЦПШ Самарской губернии

Формально курс обучения в единоверческих школах практически во всем соответствовал той программе, которая применялась в остальных «новообрядных» ЦПШ губернии того времени: русский язык, «счисление», чистописание и Закон Божий, который, в свою очередь, включал изучение основ православной веры и богослужения, Священную историю Нового и Ветхого завета. Преподавание церковного пения и «славянского» чтения имело свои особенности и осуществлялось по дониконовским образцам старопечатных богослужебных книг. В некоторых школах, как, например, в Новоузенском уезде, преподавание велось по особой программе и указаниям епископа Уральского Тихона (Оболенского) (Никольский 1912, с. 412). В школе единоверческого Нижне-Воскресенского мужского монастыря для учеников также использовалась своя учебная программа. В первой половине учебного дня три часа были посвящены крюковому¹ пению и «единоверческому» чтению, следующие три часа – остальным предметам. Вечерами ученики попеременно обучались «простому» единоверческому напеву или «обличению раскола» (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 441. Л. 22 об.).

¹ Крюковое (знаменное) пение – тип певческой богослужебной традиции, применявшийся в РПЦ в XI–XVII вв. Запись мелодии осуществлялась с помощью специальных знаков – крюков (знамен). Существует несколько видов знаменного пения: кондакарный, иргизский, столповой, демественный, путевой и другие. С конца XVII в. крюковое пение стало атрибутом старообрядческого богослужения.

«Главной» среди единоверческих ЦПШ губернии считалась двухклассная школа с миссионерским и учительским классами при единоверческом Спасо-Преображенском мужском монастыре. Здесь, помимо обычных предметов, дети единоверцев обучались «по повышенному курсу» Закону Божию, им давались знания по минералогии, зоологии, ботанике, химии, истории, географии, «землемерию». Ученики получали сведения в области дидактики и педагогики, овладевали искусством миссионерской полемики с раскольниками и сектантами. Выпускники школы славились своим мастерством в старинном церковном пении по «крюкам» и «демеством». Перед Первой мировой войной из 42 учителей в единоверческих ЦПШ 30 являлись выпускниками двухклассной Спасо-Преображенской школы. На Первом Всероссийском съезде единоверцев 1912 г. выпускников этого учебного заведения настоятельно рекомендовали брать в качестве высококвалифицированных певчих в единоверческие приходы других епархий РПЦ (Труды 2012, с. 248).

Епархиальные наблюдатели отмечали, что в единоверческих школах был более высокий уровень преподавания «старопечатной» церковно-славянской грамоты и церковного пения по сравнению с «новообрядными» ЦПШ. Вместе с механическими навыками «мастерского» чтения богослужебных текстов ученики к завершению школьного курса изучали практический устав церковных служб. Искусством церковного старообрядческого пения многие ученики овладевали настолько, что «одиночно и хором могли бы править службы Божии» (Никольский 1914, с. 98).

Тем не менее проблема подготовки будущих кадров священства и церковнослужителей в предреволюционный период для единоверцев Самарской губернии была достаточно актуальной. Общий уровень образования единоверческого духовенства заметно уступал образовательному цензу «новообрядного» духовенства [Соловьев 2020, с. 93, 193]. Впрочем, наличие домашнего «старообрядческого» образования у священника, преподававшего в единоверческой ЦПШ, иногда рассматривалось как некое преимущество, позволявшее решать определенные миссионерские задачи (Никольский 1914, с. 96). Опасения единоверцев возникали по другому поводу. На Первом Всероссийском единоверческом съезде высказывалось мнение о возможной конфессионально-культурной ассимиляции единоверческих ЦПШ в рамках сложившейся системы церковного и светского народного просвещения (Труды 2012, с. 141–142). С целью сохранить «истинно православный быт» делегаты от Самарской губернии высказали предложение организовать «чисто единоверческие училища» для подготовки учителей в ЦПШ при Спасо-Преображенском и Нижне-Воскресенском монастырях. Эта идея получила свое развитие в 1917 г. на Втором Всероссийском съезде единоверцев, когда вниманию участников

были представлены результаты «обревизования» Нижне-Воскресенского мужского монастыря, при котором предполагалось создание духовного учебного заведения на 300 чел. для подготовки «православно-старообрядческих» церковнослужителей и священства. Учитывая масштаб планируемого заведения и цели преподавания, речь фактически шла о единоверческой духовной семинарии. Дополнительно предлагалось в некоторых больших городах открыть богословские школы для подготовки диаконов и священников, а при единоверческих монастырях – создать духовные училища и краткосрочные курсы для подготовки церковнослужителей. Октябрьская революция 1917 г. помешала реализации этих планов [Соловьев 2018, с. 37–40].

Другая особенность деятельности единоверческих ЦПШ – наличие утилитарного подхода в обучении. Образовательный процесс находился в неразрывной связи с религиозной жизнью прихода и в этом смысле имел к ней прямо подчиненное отношение. Цели и задачи, которые ставились единоверцами при организации ЦПШ, не сводились исключительно к распространению грамотности и религиозному воспитанию, которое заключалось во «внушении <...> ученикам истин Св. Веры, правил христианской нравственности, благоразумия и честности гражданского общежития» (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). Учеба в школе рассматривалась как важный подготовительный этап к участию учеников в богослужении в качестве церковнослужителей – чтецов и певчих. Например, в с. Красный Яр под руководством священника ученики «начали прилично петь и читать», так что некоторые даровитые мальчики стали ходить на клирос (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1 об.). Впоследствии в этой школе сформировался детский церковный хор – один из лучших в епархии (Никольский 1916, с. 22). Школьные хоры принимали участие в богослужении в единоверческих храмах Балакова [Соловьев 2020, с. 192–193] и Малого Кушума (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 23 об.–24).

В единоверческих ЦПШ большое значение придавалось нравственному воспитанию подрастающего поколения в контексте норм «древлего благочестия». Внутришкольная дисциплина стояла на высоком уровне (Никольский 1914, с. 103). Особенно были известны своим примерным поведением выпускники двухклассной Спасо-Преображенской школы, которых воспитывали согласно монастырскому уставу (Труды 2012, с. 351–352). Ученики здесь именовались «послушниками» (Пятидесятилетний юбилей 1901, с. 23). В качестве чтецов, певчих и пономарей они участвовали в богослужении, несли послушания в монастырском хозяйстве. При школе имела мастерская, в которой обучали книжному переплету, золочению церковных книг и канцелярскому делу [Якунин 2011, с. 65].

Единоверческое духовенство прилагало все усилия для того, чтобы оградить детей своих при-

хожан от негативного влияния окружающего мира. Осенью 1894 г. от причта Никольской церкви с Балакова на имя епископа Гурия поступила жалоба на работников пожарной части, которая располагалась в непосредственной близости от единоверческого храма и церковной школы: «Служащие же в пожарной части – народ вольный, безнравственный, а потому игра их на гармонике, пляска и ругательства продолжаются без разбора времени и дней, особенно все это угнетает в дни богослужбных и назначенных для занятий школьных; так как ученикам во время перемен, кроме ограды, выйти некуда, то и приходится слышать и видеть всякое безобразие». Единоверцы просили архиерея похотатайствовать перед губернатором о перенесении пожарной части в другое место, «дабы не оскорблялся храм Божий» и не было «соблазна» ученикам школы (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4202. Л. 1, 3–4).

Формализация образовательного процесса позволяла расширить сферу использования старообрядческой богослужбной традиции, поскольку обучение чтению, письму и церковному пению совершалось по старопечатным книгам. Это обстоятельство служило дополнительным аргументом для легитимации дониконовского обряда и единоверия в целом как среди самих единоверцев, так и старообрядцев, остававшихся в расколе. Поэтому важно отметить, что инициатива по организации первых единоверческих ЦПШ исходила «снизу» – от самих прихожан и единоверческого духовенства [Соловьев 2020, с. 179] (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 90. Л. 1–2; Д. 39. Л. 1–3 об.; ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). В конце XIX – начале XX в. ситуация несколько меняется. Инициатором открытия новых приходов и строительства храмов часто становилась не только единоверческая община, но и правящий архиерей, епархиальный миссионер или благочинный Спасо-Преображенского монастыря. Не всегда члены нового прихода имели материальные возможности для содержания школы. По данным второго единоверческого благочиннического округа за 1913 г., в Балакове, Красном Яре ЦПШ содержались за счет прихода, в Большом Кушуме средства выделялись из государственной казны, в Малом Кушуме школа получала средства от сельского общества, уездного отделения Епархиального училищного совета и прихода, в Новоузенске – от городской управы, в Криволучье – находилась на полном обеспечении единоверческого Нижне-Воскресенского монастыря, в Озерках финансирование школы шло из казенных сумм и средств сельского общества (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 342. Л. 5–74). В Самаре практически все расходы на содержание школы полностью взял на себя богатый прихожанин – купец Л.С. Аржанов (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 253. Л. 3 об.). Видимо, вследствие такого разнообразия в финансировании отмечалась неравномерная обеспеченность ЦПШ учебной и школьной литературой, в некоторых школах учеников не хватало в 2–3 раза от необходимого коли-

чества. Если в Балакове школьная библиотека насчитывала 187 книг для внеклассного чтения, то в Малом Кушуме – всего 10 книг, а в десяти школах библиотек вообще не было (Никольский 1914, с. 102–103, 105). Самый большой фонд имела Спасо-Преображенская школьная библиотека: в 1903 г. он насчитывал 683 учебных пособия и 361 книгу для внеклассного чтения (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 13 об.).

Нельзя обойти вниманием такую важную составляющую образовательного процесса в единоверческих ЦПШ, как миссионерская деятельность в отношении старообрядцев-раскольников. Она была неизбежна, поскольку единоверие по своей сути представляло миссионерский проект, который давал старообрядцам возможность сохранить свою богослужбную традицию в единстве с РПЦ. Одним из инструментов привлечения раскольников к единоверию стали ЦПШ. Священники указывали на то, что народные школы могут быть «верным средством» в деле обращения раскольников, поскольку публичные миссионерские собеседования охватывали только взрослых старообрядцев (Ушмарский 1889, с. 138).

Привлечение детей раскольников в «новообрядные» и единоверческие ЦПШ не предполагало прямой миссионерской проповеди и обязательного обращения учащихся в православие. Обучение в ЦПШ рассматривалось как подготовительный этап к возможному воссоединению с Церковью в будущем. Главными задачами декларировались воспитание религиозности, гражданственности, а также формирование положительного образа РПЦ и «нравственной симпатии» к православному духовенству (Ушмарский 1889, с. 140; Никольский 1912, с. 410–412).

Раскольники весьма редко отдавали своих детей учиться в земские и министерские школы, считая их «мирскими». К «новообрядным» ЦПШ старообрядцы также относились довольно скептически, поскольку полагали, что в их школьной программе недостаточно содержится религиозной составляющей, «божественного». Это признавали сами православные священники: «В наших же школах дети действительно Священное Писание читают мало» (Ушмарский 1889, с. 13).

Единоверческие ЦПШ, напротив, вызывали у раскольников большее доверие: «Раскольники <...> слышат здесь и чтение школьников по старопечатным Псалтирям, и пение их излюбленным своим своеобразно-монотонным распевом, и даже пение “по крюкам”, видят скромность и религиозную благонастроенность учащихся и с охотой ведут своих детей в эти школы». Учителями Закона Божия и заведующими в школах были бывшие старообрядческие начетчики и опытные полемисты, хорошо знакомые с учением раскола, прекрасно знавшие дониконовский богослужбный устав. Как правило, учителя имели достаточную квалификацию для того, чтобы преподавать церковное пение и чтение по старопечатным книгам (Николь-

ский 1912, с. 421). Немаловажное значение для раскольников имело то обстоятельство, что выпускники единоверческих ЦПШ, в отличие от «негласных» старообрядческих школ, получали официальное свидетельство об образовании: в 1913 г. среди 161 выпускника единоверческих ЦПШ 49 чел. были из семей раскольников (Никольский 1914, с. 99). Степень вовлеченности детей старообрядцев-раскольников в образовательный процесс ЦПШ часто определялась состоянием раскола в той или иной местности. В Малом Кушуме некоторые раскольники не только отдавали своих детей в единоверческую школу, но и позволяли им посещать богослужения в единоверческом храме, где они «пели и читали» службу на клиросе (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 531. Л. 24).

Если собственно миссионерская функция была возложена на все ЦПШ «Положением о церковных школах ведомства православного исповедания» от 1 апреля 1902 г. (Никольский 1912, с. 407), то в единоверческих училищах детей раскольников массово принимали в качестве учащихся с самого начала их возникновения. В балаковском единоверческом училище за 1865–1867 гг. прошли обучение 54 ученика, из них – 26 детей единоверцев, 21 ученик был из семей старообрядцев-поповцев, 5 – из поморцев и 2 – из лютеран (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 22. Д. 128. Л. без нумерации). Учитель школы – псаломщик Ф.Л. Волгин активно и безуспешно занимался миссионерством среди родителей и родственников тех учащихся, которые еще находились в расколе [Соловьев 2020, с. 180]. В начале XX в. учителя единоверческих школ официально привлекались к систематической противораскольнической деятельности РПЦ в Самарской губернии в качестве так называемых «миссионеров-сотрудников» (Пряхин 1914, с. 68).

В конце XIX – начале XX в. наблюдалось значительное увеличение численности учащихся в единоверческих ЦПШ за счет детей старообрядцев-раскольников. В начале 1910-х гг. доля учащихся из семей раскольников составляла чуть более трети от общего числа учеников единоверческих ЦПШ Самарской губернии: 520 из 1534 чел. По мнению епархиальных наблюдателей, это происходило «в значительной степени от симпатий раскольнической части населения к школам имен-

но единоверческим как наиболее отвечающим взглядам ее на школу и ее просветительную работу» [Никольский 1914, с. 95–96]. В некоторых школах эта доля была значительно выше. В 1915 г. в ЦПШ с. Яблонов Гай из 28 учеников 19 были старообрядцами-раскольниками, в Малом Красном Яре из 62 учеников – 48; в школе Малой Таволожки из 40 учащихся только один ученик был православным (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 354. Л. 3 об., 29 об., 47 об.). Отмечалось, что «лица, прошедшие через школу, более сознательно относятся к обрядовой стороне религии, менее жестоки и грубы по отношению к православию и что фанатизм раскола при существовании церковных школ значительно слабеет» (Никольский 1914, с. 412).

Заключение

В заключение можно констатировать, что единоверческое «школьное дело» в Самарской губернии возникло и развивалось как неотъемлемая часть системы народного просвещения. Вместе с тем с момента возникновения единоверческие ЦПШ имели свои отличительные черты, обусловленные особым статусом единоверия как уникальной внутриконфессиональной группы РПЦ. Несмотря на то что школьная программа в целом соответствовала программе «новообрядных» ЦПШ, основной акцент в ней делался на преподавание тех предметов, которые позволяли сохранять религиозную идентичность единоверцев. Важно отметить, что образовательный процесс был тесно связан с богослужебной практикой, что создавало кадровую базу для подготовки единоверческого духовенства. Административный статус единоверческих учебных заведений также носил специфический характер. С первых лет своей деятельности единоверческие училища обладали некоторой автономией (например, педагогический состав формировался почти полностью из единоверцев), к концу 1900-х гг. они перешли в ведение викарного епископа Уральского, формально оставаясь в «ведомстве» самарского архиерея. И наконец, нельзя не отметить ярко выраженную миссионерскую функцию единоверческих ЦПШ, которые стали одним из инструментов борьбы РПЦ со старообрядческим расколом в Самарской губернии.

Материалы исследования

Епархиальная жизнь – *Епархиальная жизнь* / Самарские епархиальные ведомости. 1904. № 22. Часть неофициальная. С. 1081–1090.

Никольский 1912 – *Никольский Александр, свящ.* Деятельность церковных школ Самарской епархии на пользу православной миссии // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 10. Часть неофициальная. С. 407–414.

Никольский 1914 – *Никольский Александр, свящ.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1912–1913 учебном году. Самара: Тип. Азеринского Л. Москва, 1914. 116 с.

Никольский 1916 – *Никольский Александр, свящ.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1914–1915 учебном году. Самара: Тип. Азеринского Л. Москва, 1916. 107 с.

Пряхин 1914 – *Пряхин Сергей, свящ.* О состоянии и действиях противораскольнической миссии в 1913 году // Самарские епархиальные ведомости. 1914. № 24. Часть официальная. С. 46–76.

Пятидесятилетний юбилей 1901 – *Пятидесятилетний юбилей Самарской епархии (30 декаб. 1850 – 31 декаб. 1900 гг.)*. Самара: Тип. Сам. дух. консистории, 1901. 61 с.

Труды 2012 – *Труды Первого Всероссийского съезда православных старообрядцев (единоверцев)* / сост. иерей Евгений Саранча, Н. Кузин. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. 565 с.

Ушмарский 1889 – *Ушмарский А., свящ.* Школа и раскол // Самарские епархиальные ведомости. 1889. № 5. С. 138–140.

ФГАСОП – *Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве.*

Филиппов 2002 – *Филиппов С.А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX в.: По материалам Самарской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. 20 с.

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Церковно-приходские школы Самарской епархии... 1901 – *Церковно-приходские школы Самарской епархии до возрождения (1851–1884 гг.)* // Самарские епархиальные ведомости. 1901. № 10. Часть неофициальная. С. 561–571.

Библиографический список

Ваганова 1999 – *Ваганова Н.М.* Основные виды начальных школ на территории Самарской губернии в пореформенный период // Платоновские чтения: материалы Всерос. конф. молодых историков, г. Самара, 3–4 дек. 1999 г. Самара: Сам. ун-т, 1999. С. 63–65. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Sborniki/Platonovskie-chteniya-Elektronnyi-resurs-materialy-XI-Vseros-konf-molodyh-istorikov-g-Samara-34-dek-2005-g-77557>.

Кокарев 2016 – *Кокарев Максим, протоиерей.* История Самарской епархии в предсоборный период (1894–1917 гг.). Москва: Спасское дело, 2016. 456 с.

Мендюков 2016 – *Мендюков А.В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX–XX веков. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 176 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=578733&p=1>.

Рожков 2004 – *Рожков Владимир, протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004. 560 с. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/tserkovnye-voprosy-v-gosudarstvennoj-dume>.

Самбунова 2002 – *Самбунова Е.И.* К вопросу о подготовке кадров для церковно-приходских школ Самарской губернии в 1884–1914 гг. // Шестые Иоанновские чтения: материалы науч. конф., посвящ. памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита СПб. и Ладожского. Самара, 2002. С. 53–58.

Соловьев 2020 – *Соловьев П.К.* История православных храмов г. Балаково (1762–1917). Саратов: ИП Кирсанова М.В., 2020. 300 с.

Соловьев 2018 – *Соловьев П.К.* Материалы по истории духовного образования балаковских единоверцев (1867–1917 гг.) // «Рождественское тож...»: Очерки по истории православия, единоверия и старообрядчества на балаковской земле / ред. М.В. Благушина. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2018. С. 35–40.

Соловьев 2021 – *Соловьев П.К.* Православные старообрядцы Самарской губернии на всероссийских единоверческих съездах в предсоборный период (1912–1917 гг.) // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 50-летию СГИК. Самара, 2021 / под ред. М.В. Курмаева, Л.М. Артамоновой. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2021. С. 92–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341930&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/svbmxb>.

Якунин 2019 – *Якунин В.Н.* Духовное образование, церковно-приходские и воскресные школы в Самарской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (31). С. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>. EDN: <https://elibrary.ru/xargiz>.

Якунин 2011 – *Якунин В.Н.* История Самарской епархии. Тольятти: Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2011. 625 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.\(2011\).\[djb-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.(2011).[djb-fax].zip).

References

Vaganova 1999 – *Vaganova N.M.* (1999) Main types of primary schools on the territory of the Samara province in the post-reform period. In: Platonov readings: materials of the All-Russian conference of young historians, Samara, December 3–4, 1999. Samara: Sam. un-t, pp. 63–65. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Sborniki/Platonovskie-chteniya-Elektronnyi-resurs-materialy-XI-Vseros-konf-molodyh-istorikov-g-Samara-34-dek-2005-g-77557>. (In Russ.)

Kokarev 2016 – *Kokarev Maxim, Archpriest* (2016) History of the Samara Diocese in the pre-council period (1894–1917). Moscow: Spasskoe delo, 456 p. (In Russ.)

Mendyukov 2016 – *Mendyukov A.V.* (2016) Russian Orthodox Church in the Middle Volga region at the turn of the XIX–XX centuries. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 176 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=578733&p=1>. (In Russ.)

Rozhkov 2004 – *Rozhkov Vladimir, Archpriest* (2004) Church issues in the State Duma. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 560 p. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/tserkovnye-voprosy-v-gosudarstvennoj-dume>. (In Russ.)

Samburova 2002 – *Samburova E.I.* (2002) On the issue of personnel training for parochial schools of the Samara province in 1884–1914. In: *Sixth St. John readings: materials of the scientific conference, dedicated in memory of His Eminence John, Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga*. Samara, 2002. pp. 53–58. (In Russ.)

Soloviev 2020 – *Soloviev P.K.* (2020) History of Orthodox churches in Balakovo (1762–1917). Saratov: IP Kirsanova M.V., 300 p. (In Russ.)

Soloviev 2018 – *Soloviev P.K.* (2018) Materials on the history of spiritual education of Balakovo co-religionists (1867–1917). In: *Blagushin M.V. (Ed.) «Rozhdestvenskoye also ...»: Essays on the history of Orthodoxy, coreligionism and Old Believers in the Balakovo land*. Saratov: GAU DPO «SOIRO», pp. 35–40. (In Russ.)

Soloviev 2021 – *Soloviev P.K.* (2021) Orthodox Old Believers of the Samara province at All-Russian coreligionist congresses in the pre-council period (1912–1917). In: *Kurmaev M.V., Artamonova L.M. (Ed.) National cultural heritage of Russia: regional aspect: materials of the IX all-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the 50th anniversary of the SSIC. Samara, 2021*. Samara: Samarskii gosudarstvennyi institut kul'tury, pp. 92–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47341930&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/svbmxb>. (In Russ.)

Yakunin 2019 – *Yakunin V.N.* (2019) Theological education, parish and Sunday schools in the Samara diocese in the second half of the XIX – early XX century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, no. 3 (31), pp. 276–289. DOI: <http://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.19>. EDN: <https://elibrary.ru/xargiz>. (In Russ.)

Yakunin 2011 – *Yakunin V.N.* (2011) History of the Samara Diocese. Togliatti: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa, 625 p. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.\(2011\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.(2011).[djv-fax].zip). (In Russ.)